

— Весьма занятный человек. — Взгляд Цзин Мошэня невольно смягчился. Сяо Лобай невольно усмехнулся, ему не терпелось поскорее увидеть этого человека воочию.

— Позвать сюда евнуха Чжо, пусть немедленно придет в опочивальню, — приказал Цзин Мошэнь, и в его глазах читалось торжество человека, который вот-вот похвастается редким сокровищем.

Обращение Цзин Мошэня лишь сильнее озадачило Сяо Лобая. Как может простой евнух быть удостоен чести прислуживать императору, да еще и проживать в его личных покоях? Неужели император с ним...

— А что в этом такого? — прямо ответил Цзин Мошэнь. Сяо Лобаю оставалось лишь вежливо улыбнуться в ответ.

— Ваше Величество, вы звали меня? — Чжо Цяньяо только успел задремать, как его разбудили, что изрядно подпортило ему настроение.

— Цяньяо, познакомься, это Сяо Лобай, великий генерал Сяо, — представил его Цзин Мошэнь, а затем повернулся к гостю: — Лобай, это и есть тот самый талантливый человек, о котором я тебе говорил.

— Господин евнух Чжо, — Сяо Лобай поднялся и сложил руки в приветственном жесте.

Чжо Цяньяо лишь равнодушно хмыкнул:

— Приветствую, генерал Сяо.

Сяо Лобай был поражен. Человек этот, конечно, обладал незаурядной внешностью, но, представ перед сыном Неба, не только не опустился на колени, но даже не удосужился ответить поклоном. Пустышка с красивым лицом, не более того. Насколько же сильно император должен его баловать, чтобы позволять подобное?

— Подойди сюда, — Цзин Мошэнь похлопал себя по колену, но Чжо Цяньяо не оказал ему ни капли уважения:

— Ваше Величество, если есть дело, просто прикажите.

Цзин Мошэнь ничуть не обиделся:

— Генерал Сяо сражался на полях битв, покрыв себя и государство Цзин великой славой. Прочти же для него стихотворение.

Чжо Цяньяо про себя недовольно проворчал: опять стихи? Неужели нельзя просто выпить и поесть?

— Если господин евнух не может, не стоит его принуждать. Может, лучше пригласить наложницу Сюань? — Сяо Лобай выбрал удачный момент для провокации. Впрочем, ему просто претило видеть столь высокомерное поведение человека столь низкого звания.

Чжо Цяньяо не остался в долгу и закатил глаза:

— Генерал Сяо, раз у вас такое утонченное настроение, то мне придется показать свое неумелое мастерство.

Он подошел к столу Цзин Мошэня, совершенно непринужденно взял его кубок и осушил одним махом. Какое же мерзкое это белое вино!

— А кубок у Вашего Величества весьма изящный.

— Разумеется, это нефритовый кубок ночного сияния, — ответил Цзин Мошэнь. Его слова словно подстегнули Чжо Цяньяо. Тот, кто еще мгновение назад лихорадочно перебирал в уме подходящие строки о войне, тут же выпалил:

— Вино из винограда в кубке ночном блестит,

Готов я пить, но зов трубы на битву велит.

Не смейтесь, если пьяным паду на поле я,

Много ль воинов вернулось из края бытия?

Чжо Цяньяо был доволен собой. Стихи подошли идеально. В своей прошлой жизни он насмотрелся на всяких лицемерных особ, так что не заметить презрения в глазах Сяо Лобая он просто не мог. Хм! Много ль воинов вернулось? Надеюсь, в следующий раз этот тип уже не вернется из похода!

— Превосходно! — Цзин Мошэнь был вне себя от радости. Его маленький евнух по-настоящему принес ему славу! — Лобай, что скажешь?

— Стихи, безусловно, хороши. Теперь я понимаю, почему Ваше Величество так благоволит господину Чжо. Однако, хоть слог и прекрасен, смысл не слишком благоприятен. Не найдется ли чего-то более радостного? — Сяо Лобай сам был человеком образованным, как же он мог не понять подвоха?

— Ох, вы ставите меня в тупик, — Чжо Цяньяо снова закатил глаза. — Я ведь не пишу стихи по заказу.

Смысл был предельно ясен: если бы не милость императора, Сяо Лобаю и вовсе не стоило бы слушать его стихи.

Цзин Мошэнь с нежностью улыбнулся:

— Ты утомился. Иди сюда, это новые пирожные с османтусом из императорской кухни. На вкус довольно неплохи, попробуй.

— Спасибо, но я терпеть не могу сладкое.

Хотя на вид угощение было очень изысканным, аппетита оно у него не вызвало. У Сяо Лобая от увиденного дернулся уголок рта. Какая великая честь — принять дар из рук самого императора, а этот проклятый евнух оказался таким неблагодарным!

Цзин Мошэнь же давно привык к дерзкому нраву Чжо Цяньяо. Если бы тот вдруг стал подобострастным и начал заискивать, император, вероятно, перестал бы его баловать.

— Тогда... чего бы тебе хотелось? — спросил он.

<http://bllate.org/book/20229/2014341>